

УДК 321

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

ДИСКУРС ПОСТПРАВДЫ КАК МЕДИАТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ ПОСТПАМЯТИ*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье рассматриваются стратегические установки, базовые черты, принципы и медиатехнологии дискурса постправды, дается пошаговый анализ процесса его развертывания в медиасфере. Раскрывается методологическая взаимосвязь медиатехнологий дискурсов постправды и постпамяти. Отмечается, что дискурсы постправды и постпамяти конфронтационны рационально-научному дискурсу, не приемлют принципы объективно-критического рационально-научного познания, обслуживают политические интересы властвующих неолиберальных элит, нуждающихся в легитимации своего господства. Авторы обращаются к анализу дискурса Голодомора как медиатехнологии постпамяти.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–68 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

Ключевые слова:

Постправда, постпамять, травмированная память, медиатехнологии, неолиберальный дискурс, контр-рациональный дискурс, Голодомор.

Дискурс постправды как комплексная медиатехнология

Дискурс-анализ феномена постправды сравнительно недавно оказался в фокусе изучения представителей гуманитарных и политических наук. Особенно усилилось внимание к дискурсу постправды после того, как в 2016 г. термин «постправда» (*post-truth*) был выбран составителями Оксфордского словаря словом года. Понятие «*post-truth*» в данном словаре определяется как «обстоятельства, при которых факты объективной реальности оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям»¹.

В современных исследованиях утверждается, что термин «постправда» впервые был использован в 1992 г. американским драматургом С. Тезичем в одной из статей журнала «The Nation». В ней автор, используя данное понятие, описал «синдром Уотергейта» – известный скандал, закончившийся отставкой президента Р. Никсона².

Определенный вклад в понимание дискурса «постправды» внесла книга Р. Кейса, изданная в 2004 г. [22]. Автор, описывая эпоху постправды, определяет её как размывание границ между ложью и правдой, вымыслом и фактами, нечестностью и честностью. При этом отмечается, что для описания сегодняшней жизни глагол «обманывать» уже не используется: он заменяется более «мягким» и политкорректным термином «приукрашивать».

Далее в литературе стали применять различные варианты термина «постправда». Так, в 2005 г. историк Э. Элтерман ввел в оборот словосочетание «президентская постправда» и описал, как лидеры Соединенных Штатов на протяжении многих лет проводили политику дезинформации населения страны [15].

В 2016 г. в журнале The Economist вышла статья «Политика постправды: искусство лжи»³. В ней утверждается, что политические деятели всегда так или иначе искажали информацию, а СМИ лишь способствовали распространению неверных фактов. Благодаря СМИ слухи разносятся с очень высокой скоростью и быстро начинают казаться похожими на правду. В противовес термину

¹ “After much discussion, debate, and research, the Oxford Dictionaries Word of the Year 2016 is post-truth – an adjective defined as ‘relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief’ // URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>.

² Kreitner R. Post-Truth and It’s Consequences: What a 25-Year-Old Essay Tells Us About the Current Moment // 2016. URL: <https://www.thenation.com/article/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/>.

³ Kreitner R. Post-Truth and It’s Consequences: What a 25-Year-Old Essay Tells Us About the Current Moment // 2016. URL: <https://www.thenation.com/article/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/>.

«постправда» в статье было предложено использовать его антоним – «pro-truth», который означает борьбу за правду.

Отметим, что префикс «пост-» употребляется в исследованиях и по отношению к другим политическим явлениям сходного толка. Например, К. Крауч использовал термин «пост-демократия», описывая публичные предвыборные дебаты, которые представляют собой хорошо контролируемый спектакль, который ставят профессиональные команды-соперники, обладающие опытом и техникой убеждения. На таких спектаклях обсуждается лишь узкий круг вопросов, заранее очерченный этими командами [17].

Среди отечественных исследователей, поднявших на теоретический уровень проблематику постправды, можно отметить С.В. Чугрова [14, с. 42–59]. В своей статье автор отмечает, что благодаря распространению дискурса постправды в информационном пространстве уменьшается роль фактов, аргументов, логичных доказательств в формировании общественного мнения, поскольку их попросту игнорируют. С.В. Чугров показывает, кто на самом деле выигрывает и проигрывает от действия политики постправды, описывает технологии воздействия ложной информации на текущую политику. Автор утверждает, что в современную эпоху такая бесспорная ценность либерального общества, как свобода, может деградировать, стать фикцией. Опасности подвергаются и другие ценности – демократические институты и процедуры, а также – система международной безопасности.

Значительный вклад в понимание феномена и дискурса постправды внес сборник трудов, изданный в Санкт-Петербурге по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» [9]. Материалы данной конференции легли в основу коллективной монографии «Политика постправды и популизм» [8].

Специальным предметом исследования в отечественной литературе является комплекс медиатехнологий, направленный на конструирование дискурса постправды. Так, к примеру, Г.В. Лукьянова анализирует группу технологических приемов, производящих в соответствии с заданными идейно-политическими установками определенное медиавоздействие на целевую аудиторию. К ним она относит прайминг, фрейминг и установление повестки дня. Автор также отмечает, что в эпоху глобализации и повсеместного распространения сети Интернет появляются новые медиатехнологии создания и распространения постправды. К ним относятся: 1) эмоционализация политики (акцент на чувства и эмоции); 2) персонификация политики (личность политика оказывается важнее продвигаемой им идеологии); 3) развлекательность политики (упрощение чересчур сложных тем, их схематичная или юмористическая подача) [5, с. 132–133].

Сходные черты медиатехнологий дискурса политики постправды отмечают авторы специального выпуска научного журнала «Современный дискурс-анализ», в котором представлены материалы Международной научно-практической конференции «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования» [13]. Так, к примеру, в статье А.П. Короченского «Медиакритика в эпоху пост-журналистики» перечисляются следующие стратегии пост-журналистики, порождающие дискурс постправды: предпочтение медиатекстов с высокой эмоционально-драматической нагрузкой; функция развлекательности выходит на передний план в ущерб информацион-

ной; геймификация, связанная с широким использованием игровых и спектаклярных подходов; деградация фундаментального требования традиционной журналистики проверки информации на истинность; распространённость практики опубликования фейковых новостей, основанных не на фактах, а на вымысле и др. [13, с. 32–33]. Автор делает вывод: «Названная практика благоприятствует созданию общественной ситуации, обозначаемой как *пост-правда*, когда апелляция к личным убеждениям людей и их эмоциям более действенна, чем ссылка на объективные факты. Примером такого рода может служить освещение в западных массмедиа «отравления Скрипалей», когда по всему миру в течение полугода распространялись не подкрепленные фактами утверждения о применении российскими спецслужбами боевого отравляющего вещества на территории Великобритании» [13, с. 33].

Широкое распространение медиатехнологий дискурса постправды в современном информационном пространстве приводит к следующему методологическому консенсусу в сфере реальной политики, а именно: считается излишним прилагать специальные усилия, чтобы тестировать факты на достоверность, перепроверять их, а при рассмотрении публичных заявлений политиков задаваться вопросом «кому это выгодно»? При этом публично транслируемая ложь уже только в силу своей высокой медийной тиражируемости априори получает информационно-политическую легитимацию. Это означает, что тот, кого уличают во лжи, вряд ли может опасаться негативных последствий и может и дальше спокойно продолжать продуцирование постправды.

Сегодня дискурс постправды взят на идеологическое (а точнее – пропагандистское) вооружение современными элитами⁴ целого ряда стран, стоящими на доктринальных позициях неолиберализма [12; 16]. Это связано с широким внедрением в информационную политику новых принципов освещения событий, входящих в противоречие с рационалистической логикой, апеллирующей к доказательной базе. Для внедряемого в идейно-политическую сферу дискурса постправды базовой чертой является принцип приоритета политического интереса над доказательной базой. Это означает, что ради защиты стратегических интересов государства, включая разработку стратегии информационной безопасности страны, политики готовы использовать технологии конструирования несуществующих фактов и игнорирования контраргументов. Приводимая рациональная аргументация всячески третируется неолиберальными СМИ, которые противопоставляют ей эмоционально заряженные яркие медийные образы и мемы. В данном случае применяется еще один известный принцип дискурса постправды: впечатление важнее логики.

В условиях нарастания информационно-политической конфронтации между антироссийски настроенными неолиберальными элитами стран условного Запада и руководством современной России, дискурс постправды выступает важным медиа-инструментом формирования в массовом сознании западной

⁴ Broun Wendy. Monday, Jun 15, 2015. Neoliberalism poisons everything: How free market mania threatens education – and democracy. Reducing everything – including people – to markets makes democracy impossible, UC Berkeley's Wendy Brown tells Salon // URL: http://www.salon.com/2015/06/15/democracy_cannot_survive_why_the_neoliberal_revolution_has_freedom_on_the_ropes.

публики представлений об исключительно враждебном и агрессивном характере российской политики [1, с. 64–76]. При этом применяются медиатехнологии демонизации и дегероизации противника. В ход пускаются разнообразные приемы, находящиеся за гранью рационального мышления: конструирование фейковых событий и новостей, безапелляционное навешивание ярлыков, бездоказательные обвинения и упреки, сделанные на том основании, что, якобы, оппоненты своими действиями покушаются на ценности либеральной демократии, подрывают устои мирового порядка, сложившегося в условиях господства идеологии и практики неолиберализма. В случае, когда оппонентам удастся привести аргументы, опровергающие выдвинутые обвинения, уличить своих противников во лжи, распространители дискурса постправды, чтобы «сохранить лицо», прибегают к понятию «альтернативные факты», маскируя тем самым фейковую информацию под некий легитимный вариант виртуальной реальности⁵.

В целом, дискурс постправды предполагает замену рациональной аргументации технологиями производства иррациональных эмоциональных эффектов и реализации в медийно-политическом пространстве известного принципа «цель оправдывает средства». Иначе говоря, дискурс постправды целиком и полностью отвечает целям и задачам существующей политической конъюнктуры. Кроме того, данный дискурс в последние годы активно применяется в масштабных информационных войнах, и направлен в основном на создание негативного образа России и позитивного имиджа ее противников. Для постоянной подпитки общественного мнения информацией о субстанциональной враждебности и агрессивности России в неолиберальных СМИ применяется технология сценарного конструирования сюжетной линии медийной пьесы под условным названием «разоблачим и накажем врага».

Осуществляемая на основе технологий постправды медиа-война, если представить ее в виде некоего долгоиграющего сериала, состоящего из целого ряда сценарных шагов, может выглядеть следующим образом:

Шаг первый – использование конфликтной ситуации или яркого информационного повода для провозглашения грозного и впечатляющего обвинения в адрес заранее назначенного виновника, который нарушил базовые принципы общественной и международной жизни. При этом в медиaprостранство массово вбрасываются стереотипные устрашающие картинки и мемы типа «Russian did it» («Это сделали русские»).

Шаг второй – организация массивной и синхронизированной информационной атаки с использованием шокирующих видеоматериалов и ссылок на «авторитетные» источники с расчетом на то, что обвиняемая сторона не сможет быстро и организованно ответить на предъявляемые ей обвинения в якобы совершенном с большой очевидностью именно ею ужасном преступлении (принцип «Highly likely»).

Шаг третий – вопреки принципу презумпции невиновности, без проведения какого-либо предварительного расследования, организуются международные акции с громкими обвинениями противника, целью которых является

⁵ Vincent F. Henfricks, Mads Vestergaard. Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation. Chapter 4. Alternative Facts, Misinformation, and Fake News – 2019: Springer Open. P. 35–48 / URL: <https://www.researchgate.net/publication/330045782>.

создание единого фронта представителей мировой элиты против «неприемлемых» действий политического противника. В итоге, заручаясь поддержкой широких международных кругов, формируется устойчивое общественное мнение о безоговорочной виновности противника. На данном этапе активно вовлекаются в процесс обвинения надгосударственные политические институты и структуры (Совет Европы, ПАСЕ, ООН, G7 и др.).

Шаг четвертый – включение карательного инструмента наложения санкций с целью ослабления политического влияния противника на международной арене, подрыва его экономической, военно-стратегической и информационной мощи.

Шаг пятый – в случае, когда обвиняемая сторона выступает с требованиями проведения объективного расследования и доказательств истинности исходной версии, используется беспроблемный прием ссылок на некие секретные документы и разведанные, которые нельзя публично обнародовать, но которым следует доверять, поскольку стоящие за ними организации стоят на страже защиты государственных интересов и безопасности страны.

Шаг шестой – при ослаблении внимания публики к основному сюжету обвинения в целях подогрева к нему общественного интереса, в полном соответствии с жанром «мыльной оперы» в политическую пьесу вводятся дополнительные персонажи, олицетворяющие собой либо новых участников преступления, либо его жертв.

Шаг седьмой – когда баланс информационных сил оказывается не в пользу стороны обвинения, редакторским коллективам СМИ дается «отмашка» относительно закрытия темы. При этом пауза между предшествующей и новой информационной атаками должна быть непродолжительной.

Классическим вариантом данного пошагового развертывания дискурса постправды является так называемое «дело Скрипалей», созданное правительством Великобритании [11, с. 463–464].

Взаимосвязь медиатехнологий дискурсов постправды и постпамяти

Дискурс постправды, культивируемый в современном информационном пространстве, при определенном смещении внимания институтов масс-медиа к проблематике исторической или национальной памяти [6; 7] обнаруживает свою внутреннюю связь с технологиями политики, обозначаемыми понятием «постпамять». Понятие «постпамять» (англ. *postmemory*) было введено в широкий научный оборот профессором Колумбийского университета Марианной Хирш [21]. Согласно исследователю, приставка «пост» при обозначении особенностей исторической памяти современников означает не только временную отдаленность от исторических событий, предьявляемых в рассматриваемых документах и видеоматериалах. Она, в первую очередь, означает, что при передаче исторической памяти от поколения к поколению важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образа прошлого.

В работах определенной группы исследователей дискурс постпамяти рассматривается в контексте разработки направления, обозначаемого как *trauma studies* (исследования исторической травмы) [18; 19; 20]. В рамках данного

направления было сформулировано понятие «травмированная память». Этим понятием обозначается память поколений, выживших в исторических катастрофах и конфликтах.

Стратегической задачей дискурса травмированной постпамяти является создание с помощью медиатехнологий эффекта эмоционального потрясения, связанного с возникновением у публики состояния острого сопереживания и внутреннего негодования по поводу трагических событий прошлого.

Целенаправленно политикой травмированной постпамяти активно занимаются институты национальной памяти, существующие в ряде стран Восточной Европы. Данные институты используют мультимедийные инструменты, которые конструируют в массовом сознании травмирующие образы коммунистического прошлого, возлагая при этом всю ответственность за трагедии истории на Советский Союз [6, с. 11]. Параллельно данному процессу осуществляется формирование медиаобразов альтернативной истории, противопоставляемой советским и российским официальным версиям. В процессе создания образов альтернативной истории активно применяются уже названные нами медиатехнологии дискурса постправды, которые трансформируются в особые разновидности дискурса постпамяти.

Если кратко сформулировать суть дискурса постпамяти, то ее можно обозначить следующим образом: дискурс постпамяти – это способ конструирования альтернативной истории посредством применения технологии разделения участников исторических событий на две категории: «нация-преступник» и «нация-жертва». При этом основная стратегия дискурса постпамяти заключается в том, чтобы всеми возможными средствами (прежде всего – медийными) создать впечатляющие образы прошлого, способные вызывать у публики эмоциональный шок, чувства сострадания к нации-жертве и ненависти к нации-преступнику. Идеологически данная технология подкрепляется концепцией двух равнозначных тоталитарных режимов – нацистского и советского. Те нации, которые объявляются пострадавшими от обоих режимов, представляются в роли «двойной жертвы», что предполагает особо трепетное и щадящее отношение к их травмированной памяти. Главными исполнителями и распространителями технологии «жертвостроительства» выступают институты национальной памяти. Они же настойчиво включают в официальный политический дискурс термин «оккупация», применение которого способно существенно усилить у представителей «нации-жертвы» чувство ненависти к тоталитарному советскому режиму и к «нации-преступнику» [6; 7; 10].

В технологический арсенал политики постпамяти входит конструирование альтернативных, и даже идейно-враждебных советской коммемораторной политике новых политических символов, праздничных дат, официальных ритуалов, пантеонов героев и т. п., которые призваны окончательно вытеснить из массового сознания семиотические образы советского прошлого и наполнить его по-новому идеологически заряженным контентом. Такого рода манипулятивные процедуры формируют у публики своеобразное видение прошлого, альтернативное научной методологии исторического познания. Согласно логике дискурса постпамяти, исторической правдой должна считаться только та интерпретация прошлого, которая соответствует текущей политической конъюнктуре и оказывает наибольшее эмоциональное воздействие на массовую аудиторию. Вполне понятно,

что без тотальной поддержки данной установки со стороны целого комплекса современных медиатехнологий дискурс постправды не смог бы справиться с задачами своего активного продвижения в национальном и глобальном информационном пространстве.

Отдельно подчеркнем общий *контр-рациональный медиатехнологический характер дискурсов постправды и постпамяти*. Следует отметить, что основные установки медиатехнологической обработки массового сознания посредством дискурсов постправды и постпамяти нацелены на замещение рационально-логических компонентов в мышлении публики эффектами эмоциональных потрясений и чувственных переживаний. В итоге производство впечатлений становится для технологов постправды и постистории более значимыми факторами, чем научное изучение реальной доказательной базы.

Производство впечатлений давно уже превратилось в целую массмедийную индустрию, которая находит свое методологическое подкрепление в определенных способах создания контента, которые в значительной степени противоречат рационально-научному дискурсу⁶. Это во многом обусловлено смещением в массмедиа технологических акцентов в сторону создания шокирующих дискурсов сенсационности, скандальности, формирования ярких развлекательных шоу-образов, поощрения гедонизма, нарциссизма, некритического подражания «героям» сетевой рекламы. Понятно, что данные виды медийного влияния на массовое сознание вовсе не предполагают подключение внимания публики к рациональному типу мышления, тем более – к обращению к научным видам аргументации.

Обозначим исходные схематизмы масс-медийного дискурса контр-рациональной логики: а) установка на недоверие к доводам и аргументам официальной науки, ибо приоритетной и более значимой считается информация, размещенная в социальных сетях; б) категорическая неприемлемость рационально обоснованной критики всевозможных мифов и стереотипов массового сознания, распространяемых развлекательными медиаканалами; в) пропаганда псевдонаучного знания, популяризация лженауки.

Серьезный вред научному подходу к истории наносит использование медийными каналами формата «ток-шоу – дуэли». Яркий тому пример – программа «Суд истории», где споры об истории превращаются в развлекательную и часто скандальную медиа-схватку двух публицистов-гладиаторов, а вовлечение зрителей в полемику происходит посредством присылаемых ими СМС. Итоги сражения подводятся на основе подсчета поданных голосов «за» или «против». При этом объективно-научный подход к анализу доводов, приводимых участниками дуэли, подменяется массовым мнением о том, кто произвел на публику наиболее яркое впечатление [7, с. 6–23].

Наряду с некоторыми ток-шоу на историческую тематику дискурс постправды получает свое медийное распространение в ходе проведения разного рода коммеморативных кампаний и политических акций, направленных на создание так называемой альтернативной исторической памяти и правды. Рассмотрим характерные признаки таких акций на примере «долгоиграющей» политической кампании, проводимой властями Украины под названием «Голодомор».

⁶ <https://newtonew.com/science/post-truth-and-its-discontents>.

«Голодомор» как дискурс постпамяти и медиатехнология

Активное включение в мировое информационное пространство дискурса Голодомора по времени приходится на тот период, когда после распада СССР перед постсоветскими государствами встали задачи укрепления своего национального суверенитета, формирования новой национальной идентичности и осуществление нациестроительства. Многими политическими деятелями эта задача была понята как требование радикальной отстройки от наследия советского прошлого, а также – от России как преемницы СССР. Считалось, что путь к формированию новой нации лежит через конструирование идеи национальной исключительности, которая, в свою очередь, обосновывается особыми страданиями и травмами, понесенными народом страны от советского строя. При этом возникает соблазн виктимизации собственной истории, соблазн извлечения политической и иной выгоды от создания образа нации-жертвы. На Украине данный соблазн был реализован посредством суммы медиа-политических технологий, позволивших придать проекту «Голодомор» глобальную информационную значимость. Мощным эмоциональным усилителем дискурса Голодомора стала ментальная схема, по сути, уравнивающая трагедии Голодомора и Холокоста путем использования технологии под условным названием «слияние близнецов». Данная технология предполагает, что события, имеющие разную историческую природу, намеренно подводятся под общий вербальный знаменатель, то есть обозначаются одним и тем же устрашающим термином. В случае проведения исторической параллели между Холокостом и Голодомором таким термином стало понятие «геноцид».

Базовым историческим основанием для разработки концепта Голодомора стал общепризнанный факт существования в СССР голода в 1932–1933 годах, в результате которого погибли миллионы людей. Однако чтобы информационно эффективно использовать данную трагедию в целях формирования новой украинской государственности, потребовались огромные политические усилия по мобилизации разного рода ресурсов (административных, кадровых, финансовых, медийных и др.).

Политико-маркетинговое раскручивание масштабной и «долгоиграющей» пропагандистской кампании «Голодомор» началось еще до появления украинского государства на постсоветском пространстве. Концепт Голодомора как политики геноцида украинского народа был впервые запущен в глобальную медиасферу украинской диаспорой США и Канады. При ее непосредственном участии стали формироваться документальные базы данных, появились первые публикации, основанные на собранных материалах, развернулись международные дискуссии, посвященные данной теме [8, с. 193–206], созданы мемориалы⁷.

Если кратко зафиксировать ключевые вехи процесса разворачивания на Украине и за рубежом медийно-политической кампании «Голодомор», то можно указать следующее: впервые на Украине термин «голодомор» вводится в официальный оборот в 1993 году с указом президента Л. Кравчука «О мероприятиях в связи с 60-летием голодомора в Украине» [2, с. 28–29]; в 1998 году

⁷ Первый мемориал памяти жертв голодомора был установлен в 1983 г. в Канаде (г. Эдмонтон).

президент Л. Кучма установил официальную мемориальную дату – «День памяти жертв голодомора» (позже – «День памяти жертв голодомора и политических репрессий»); 14 мая 2003 г. состоялось специальное заседание Верховной Рады, участники которого приняли Обращение к украинскому народу, призывав публично осудить Голодомор на Украине как факт геноцида⁸; 29 ноября 2006 г. президент Украины В. Ющенко подписал закон о признании Голодомора актом геноцида⁹ и предложил ввести административное наказание за его отрицание¹⁰; в том же году был создан Украинский институт национальной памяти (УИИП), главными задачами которого стали: 1) обеспечение (в том числе массмедийное) проведения ежегодных мемориальных мероприятий, посвященных Голодомору; 2) разработка концепции исторического образования на Украине на основе идеи «нации-жертвы»; 3) пропаганда идеи Голодомора как геноцида украинского народа посредством сбора новых документальных доказательств совершенных советской властью преступлений перед жителями Украины¹¹; в 2007 г. в Киеве открыт Музей советской оккупации¹², главная экспозиция которого содержит раздел под названием «Украинский холокост (1932–1933 гг.)»¹³.

В 2008 г. в связи с 75-й годовщиной Голодомора по инициативе В. Ющенко разворачивается мощная идеологическая кампания по коммеморации жертв Голодомора и противодействию пропаганде, отрицающей концепцию геноцида украинского народа во время голода в СССР в конце 1930-х гг. В рамках данной кампании в стране издается Национальная книга памяти жертв Голодомора, в школах в обязательном порядке проводятся соответствующие уроки памяти, в регионах происходит массовое возведение памятных крестов, мемориальных комплексов, разрабатываются памятные знаки [4], снимаются социальные ролики¹⁴.

Официальным ответом России на беспрецедентную по своим масштабам украинскую юбилейную кампанию стало Заявление Государственной Думы Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР» от 2 апреля 2008 г. В документе отмечалось следующее: ГД разделяет с народами бывшего СССР скорбь в связи с 75-летием страшной трагедии – голода 30-х гг., охватившего значительную часть территории Советского Союза; голод

⁸ <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/789-15>.

⁹ <https://lenta.ru/news/2006/11/29/sigh/>.

¹⁰ Президент Украины предлагает карать отрицание «голодомора» как геноцида // URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10997>.

¹¹ Георгий Касьянов. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006–2016) // URL: http://history.org.ua/LiberUA/Kas10LINP_2016/Kas10LINP_2016.pdf.

¹² Это был пятый по счету музей советской оккупации, открывшийся в постсоветских государствах. Ранее аналогичные музеи были созданы в Вильнюсе, Риге, Таллинне и Тбилиси. Главная его экспозиция называется «Забвению не подлежит: хроника коммунистической инквизиции». Советский период истории Украины трактуется там не только как «оккупация», но и как «колонизация».

¹³ <http://naspravdi.info/novosti/noch-v-muzee-okkupacii-ukraina>.

¹⁴ <https://yandex.ru/video/preview?filmId=635474845855447877&text=2008%20год%20введение%20в%20школах%20дней%20памяти%20голодомора&noreask=1&path=wizard#/videowiz?filmId=9292796752581949087>.

был вызван насильственной коллективизацией, в результате которой пострадали многие регионы страны; депутаты ГД решительно осуждают режим, пренебрегший жизнью людей ради достижения экономических и политических целей, и заявляют о неприемлемости любых попыток возрождения в постсоветских государствах тоталитарных режимов, пренебрегающих правами и жизнью своих граждан. В Заявлении особо подчеркивалось: «...Нет никаких исторических свидетельств того, что голод организовывался по этническому признаку. Его жертвами стали миллионы граждан СССР, представители различных народов и национальностей. Эта трагедия не имеет и не может иметь международно установленных признаков геноцида и не должна быть предметом современных политических спекуляций»¹⁵.

Таким образом, 2008 год можно считать определенной вехой, обозначившей начало нового периода обострения идейного противостояния и дискурсивного размежевания двух официальных трактовок голода в СССР в начале 30-х гг. – украинской и российской. В последующие годы дискурсивно-политический конфликт еще более усугубился.

Апофеозом украинской пропагандистской кампании, проводимой Ющенко, стал Суд (трибунал) над руководителями советского государства, обвиняемых в организации геноцида на Украине. Суду были предъявлены 253 тома собранных доказательств. 13 января 2010 года Апелляционный суд Киева констатировал, что советские политические деятели – Сталин, Молотов, Каганович, Постышев, Косиор, Чубарь и Хатаевич – совершили преступление геноцида, предусмотренное ч. 1 ст. 442 Уголовного кодекса Украины (геноцид), и закрыл уголовное дело на основании п. 8 ч. 1 ст. 6 КПК Украины, в связи с их смертью¹⁶.

Далее, в 2015 г., уже при президенте П. Порошенко создается Министерство информационной политики Украины (МИП), одной из функций которого стало концептуальное и информационное обеспечение мероприятий, посвященных памятным датам. Так, к 85-й годовщине Голодомора МИП совместно с УИМП выпустил брошюру под названием «Украина. Геноцид голодом. 1932–1933», текст которой был напечатан на украинском, английском, немецком, французском и испанском языках. Были также представлены новые серии роликов социальной рекламы, в том числе анимационного характера, посвященные теме Голодомора¹⁷. Порошенко продолжил международную кампанию по признанию Голодомора геноцидом зарубежными организациями и структурами, предлагая сравнение данной трагедии с Холокостом¹⁸. В 2017 г., возложив всю ответственность за репрессии на Украине в 30-е гг. исключительно на кремлевских руководителей,

¹⁵ [https://ru.wikisource.org/wiki/Заявление_ГД_РФ_\"Памяти_жертв_голода_30-х_годов_на_территории_СССР\"](https://ru.wikisource.org/wiki/Заявление_ГД_РФ_\).

¹⁶ Большевистские лидеры признаны виновными в организации геноцида в Украине // URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/1035457-bolshevistskie-lidery-priznany-vinovnymi-v-organizacii-genocida-v-ukraine>.

¹⁷ МИП представил мероприятия к 85-й годовщине Голодомора // URL: <http://mip.gov.ua/ru/news/2745.html?PrintVersion>.

¹⁸ Порошенко призвал приравнять «голодомор» к холокосту: а был ли этот «голодомор»? // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59327bfa8e557d35dc6148c0/poroshenko-prizval-priravniat-golodomor-k-holokostu-a-by-l-eto-golodomor-5a19fe662f578c33be1a082c>.

Порошенко призвал руководство России покаяться за совершенный геноцид украинского народа¹⁹.

В целом, проводимая украинскими президентами, УИМП, МИП и разнообразными государственными и общественными структурами широкая пропагандистская кампания по достижению международного признания Голодомора актом геноцида оказалась вполне успешной. С 1993 по 2018 гг. такое признание было получено от 16-ти государств: первой страной стала Эстония (20 октября 1993 г. Парламент Эстонии выступил с соответствующим заявлением), шестнадцатой – США (4 октября 2018 г. Сенат США единогласным решением принял соответствующую резолюцию). Однако в официальных документах таких авторитетных международных организаций, как ООН (совместное заявление делегаций от 07.11.2003), ЮНЕСКО (резолюция Генеральной конференции от 01.11.2003), ОБСЕ (заявление от 30.11.2007), Европарламент (резолюция от 23.10.2008), ПАСЕ (резолюция от 28.04. 2010) термин «геноцид» по отношению к Голодомору на Украине не применялся²⁰.

Можно также говорить об определенных достижениях украинской медиаполитики, направленной на создание разнообразных документальных и художественных фильмов, сетевых продуктов, трактующих трагедию Голодомора в официальном идеологическом ключе. Сегодня в Интернете можно найти несколько десятков видеороликов, рекламирующих украинскую версию Голодомора. На сайте УИМП размещен перечень электронных источников и полноформатных фильмов, рекомендуемых к просмотру²¹.

Одним из лидеров по количеству просмотров в Интернете стал фильм «Оккупация – Голодомор. Украина» (2012)²². Данный медиа-продукт – один из 14-ти фильмов документального цикла «Оккупация», созданного Общественным телевидением Грузии. В нем под тревожную музыку голос за кадром уверенно вещает о том, что организованный советской властью Голодомор преследовал своей целью отнять у украинского народа национальное самосознание, убить государственную самостоятельность Украины и подорвать тысячелетние традиции украинского крестьянства. При этом регулярно на экране появляется зловещая картинка с изображением красной звезды, в центре которой расположена нацистская свастика. Такой образный ряд прозрачно намекает на глубокое внутреннее родство двух тоталитарных режимов.

Из художественных фильмов о Голодоморе, вышедших недавно, УИМП настоятельно рекомендует к просмотру фильм польского режиссера Агнешки Холланд «Гарет Джонс» (2018). В нем речь идет о реальном факте биографии независимого британского журналиста, который по стечению обстоятельств оказывается живым свидетелем Голодомора на Украине. Согласно режиссеру,

¹⁹ Порошенко хочет, чтобы Россия покалась за голодомор // URL: <https://ria.ru/20171125/1509591613.html>.

²⁰ Страны, которые признали Голодомор геноцидом // URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2584131-strany-kotorye-priznali-golodomor-genocidom.html>.

²¹ Інформаційні матеріали Українського інституту національної пам'яті до Дня пам'яті жертв голодоморів 28 листопада 2015 р. // URL: http://comin.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=125165&cat_id=114334.

²² <http://ru.youtube-video.info/watch/JZmAK5sKv6g>.

именно личный опыт непосредственной причастности иностранного журналиста к трагическим событиям украинского Голодомора способен стать той идеологически нейтральной оптикой, посредством которой только и возможно раскрытие подлинной исторической правды²³.

Несмотря на стремление А. Холланд предложить публике некий политически неангажированный взгляд на трагические события голода на Украине в начале 1930-х гг., заявленный в качестве альтернативы пропагандистскому дискурсу постправды, картина, по сути, оказалась еще одним вариантом экранного воплощения позиции УИМП. Этим, в частности, объясняется проведение весной 2019 г. в Киеве при поддержке УИМП и Института журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко промокампании фильма «Гарет Джонс» с целью популяризации вклада британского журналиста в распространение правды о Голодоморе.

Понятно, что проводимая Украиной многолетняя кампания «Голодомор» имела в виду вовсе не выявление всей исторической правды о голоде 1932–1933 гг., не установление действительно ответственных юридических и физических лиц за историческую трагедию, а создание соответствующего информационного поля, которое позволило бы политически спекулятивно и конъюнктурно интерпретировать советское прошлое. По сути, дискурс Голодомора представляет собой комплекс идеологических конструктов, устанавливающих монополию властей Украины на интерпретацию голода 1932–1933 годов, которая, в свою очередь, явилась продуктом целенаправленных действий многих групп политиков, публицистов, ученых, общественных деятелей, а также – большого числа государственных институтов и медиа-каналов [2].

Дискурс Голодомора как репрезентация политики постпамяти оказался вновь актуальным на Украине с избранием нового президента страны Владимира Зеленского – известного шоумена. Об этом, к примеру, свидетельствует сделанное В. Зеленским 19 августа 2019 г. предложение премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху о признании Голодомора актом геноцида украинского народа. В своем обращении к Нетаньяху Зеленский подчеркнул, что у еврейского и украинского народа – общая трагическая историческая судьба, поскольку им пришлось не только пережить Холокост и Голодомор, но также еще и пострадать от «тоталитарного советского режима». Вот подлинные слова из речи Зеленского, приведенные на официальном сайте президента Украины: «У Украины и Израиля – давние и тесные исторические связи. Наши народы вместе пережили все трагедии новейшей истории – Голодомор и Холокост, Вторую мировую войну, тоталитарный советский режим»²⁴.

Подводя некоторые итоги представленного нами анализа дискурса постправды и политики постпамяти как его разновидности, сделанного с акцентом на значимую роль современных медиатехнологий в осуществлении данных дискурсивных практик, можно констатировать следующее:

²³ <https://mediananny.com/intervju/2327838/>.

²⁴ Глава государства призвал Израиль признать Голодомор актом геноцида украинского народа // URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/glava-derzhavi-zaklikav-izrayil-viznati-golodomor-aktom-geno-56861>.

– дискурсы постправды и постпамяти призваны обслуживать интересы вполне определенных политических сил (прежде всего, неолиберального толка), а потому – не имеют отношения ни к исторической науке (на которой они паразитируют), ни к исторической правде (к которой они апеллируют), поскольку являются не чем иным, как идейно-пропагандистским инструментарием конфронтационной политики и информационной борьбы;

– единственно адекватной средой функционирования этих дискурсивным конструктов является медиасфера, ибо современные медиатехнологии активно занимаются манипулированием массовым сознанием, продуцированием «альтернативных фактов» и фейковых новостей (*fake news*), созданием эмоционально впечатляющих медиа-эффектов, что приводит к вытеснению рациональных компонентов из массового восприятия предлагаемого медиа-контента;

– дискурс постправды, как и методологически адекватная ему политика постпамяти, нацелен на эксплуатацию стереотипов и шаблонов массового сознания, культивирует наиболее низменные предрассудки в угоду своеобразно понятым «национальным интересам», действует в соответствии с заданными политическими установками, когда становится выгодным представлять свой народ в качестве жертвы коммунистического режима и проводить радикальную отстройку от советского прошлого. Все это – крайне опасный горячий материал, вбрасываемый в массовое сознание, который оборачивается растущей ненавистью, враждой народов и конфликтом поколений.

1. Берендеев М.В. Медиадискурсы и образы стран в условиях политики постправды // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Том 13. № 4. С. 64–76.

2. Касьянов Г. Голодомор и строительство нации / Pro et Contra, май-август 2009 (т. 13). С. 24–42.

3. Короченский А.П. Медиакритика в эпоху пост-журналистики // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала) № 3 (20). Т. 1. Белгород: Политерра, 2018. – 246 с. С. 32–33.

4. Кульчицкий С. «Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский голодомор»: Украинская пресс-группа, 2007. – 207 с.

5. Лукьянова Г.В. Медиатехнологии конструирования постправды // Всероссийская научно-практическая конференция «Политика постправды и популизм в современном мире». Санкт-Петербург, 2017. с. 132–133.

6. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra, май-август 2009 (т. 13). С. 6–23.

7. Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / отв. ред. Миллер А.И.; Ефременко Д.В. М. – СПб: Нестор-История, 2018–224 с. С. 4–10.

8. Политика «постправды» и популизм [Текст] / под ред. О.В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2018. – 216 с.

9. Политика постправды в современном мире. Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участи-

ем «Политика постправды и популизм в современном мире» 22–23 сентября 2017 года / под ред. О. В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – 282 с.

10. Портнов А. В. Упражнение с историей по-украински / Андрей Портнов. – М.: ОГИ; Полит.ру; Мемориал, 2010. – 224 с. – (История vs Политика). С. 193–206.

11. Русакова О. Ф. Неолиберальный пострациональный дискурс: политика постправды и доктрина Fusion // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. Ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунуова, Л. Н. Тимофеевой. – Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 620 с. С. 463–464.

12. Русакова О. Ф., Хмелинин А. А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 12. Екатеринбург, 2012. С. 259–271.

13. Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала). – № 3 (20). – Т. 1. – Белгород: Политерра, 2018. – 246 с.

14. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

15. Alterman E. 2005. When Presidents Lie: A History of Official Deception and Its Consequences. N.Y.: Penguin. 447 p.

16. Broun Wendy. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015. – 296 p.

17. Crouch C. 2004. Post-democracy. Cambridge, UK: Polity. 123 p.

18. Dawson G. Trauma, Postmemory, Place: Bloody Sunday, Derry, 1972–2003 // The Politics of Cultural Memory / Ed. by L. Burke, S. Faulkner and J. Aulich. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230–252.

19. Geschier S. Narrating the Holocaust to Younger Generations: Memory and Postmemory in the Cape Town Holocaust Centre // International Journal of Historical Learning, Teaching and Research. 2006. Vol. 6 // <http://centres.exeter.ac.uk/historyresource/journal11/Geschier.pdf>.

20. Hirsch M. “What We Need Right Now Is to Imagine the Real”: Grace Paley Writing against War // PMLA. 2009. Vol. 124. No. 5. P. 1768–1777.

21. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. – 320 p.

22. Keyes R. 2004. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. St. Martin's Press. 325 p.

References

1. Berendejev M. V. Mediadiskursy i obrazy stran v usloviyax politiki postpravdy // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS. 2017. Tom 13. № 4. S. 64–76.

2. Kas'yanov G. Golodomor i stroitel'stvo nacii / Pro et Contra, maj-avgust 2009 (t. 13). S. 24–42.

3. Korochenskij A. P. Mediakritika v e'poxu post-zhurnalistiki // Sovremennyj

diskurs-analiz. Diskurs sovremennyx mass- media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (special'nyj vypusk zhurnala) № 3 (20). T. 1. Belgorod: Politerra, 2018. – 246 s. S. 32–33.

4. Kul'chickij S. «Pochemu on nas unichtozhal? Stalin i ukrainskij golodomor»: Ukrainskaya press-gruppa, 2007. – 207 s.

5. Luk'yanova G.V. Mediatexnologii konstruirovaniya postpravdy // Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire». Sankt-Peterburg, 2017. s. 132–133.

6. Miller A.I. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et Contra, maj-avgust 2009 (t. 13). S. 6–23.

7. Miller A.I. Vvedenie. Metodologicheskie problemy izucheniya politiki pamyati – reshennye, nereshennye i nerazreshimye // Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / otv. red. Miller A.I.; Efremenko D.V. M. – SPb: Nestor-Istoriya, 2018–224 s. S. 4–10.

8. Politika «postpravdy» i populizm [Tekst] / pod red. O. V. Popovoj. – SPb.: Skifiya-print, 2018. – 216 s.

9. Politika postpravdy v sovremennom mire. Sbornik materialov po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire» 22–23 sentyabrya 2017 goda / pod red. O. V. Popovoj. – SPb.: Skifiya-print, 2017. – 282 s.

10. Portnov A. V. Uprazhnenie s istoriej po-ukrainski / Andrej Portnov. – M.: OGI; Polit.ru; Memorial, 2010. – 224 s.– (Istoriya vs Politika). S. 193–206.

11. Rusakova O. F. Neoliberal'nyj postracional'nyj diskurs: politika postpravdy i doktrina Fusion // Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoj porjadok: Materialy VIII Vserossijskogo kongressa politologov, Moskva, 6–8 dekabrya 2018 g. / Pod obshh. Red. O.V. Gaman-Golutvinoj, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoj. – Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2018. – 620 s. S. 463–464.

12. Rusakova O. F., Xmelinin A. A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i texnologii konstruirovaniya novoj sub"ektnosti // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Vypusk 12. Ekaterinburg, 2012. S. 259–271.

13. Sovremennyj diskurs-analiz. Diskurs sovremennyx mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (special'nyj vypusk zhurnala). – № 3 (20). – T. 1. – Belgorod: Politerra, 2018. – 246 s.

14. Chugrov S.V. Post-truth: transformaciya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 42–59.

15. Alterman E. 2005. When Presidents Lie: A History of Official Deception and Its Consequences. N.Y.: Penguin. 447 p.

16. Broun Wendy. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015. – 296 p.

17. Crouch C. 2004. Post-democracy. Cambridge, UK: Polity. 123 p.

18. Dawson G. Trauma, Postmemory, Place: Bloody Sunday, Derry, 1972–2003 // The Politics of Cultural Memory / Ed. by L. Burke, S. Faulkner and J. Aulich. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230–252.

19. Geschier S. Narrating the Holocaust to Younger Generations: Memory and Postmemory in the Cape Town Holocaust Centre // *International Journal of Historical Learning, Teaching and Research*. 2006. Vol. 6 // <http://centres.exeter.ac.uk/historyresource/journal11/Geschier.pdf>.

20. Hirsch M. "What We Need Right Now Is to Imagine the Real": Grace Paley Writing against War // *PMLA*. 2009. Vol. 124. No. 5. P. 1768–1777.

21. Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. N.Y.: Columbia University Press, 2012. – 320 p.

22. Keyes R. 2004. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. St. Martin's Press. 325 p.

UDC 321

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

POST-TRUTH DISCOURSE AS A MEDIA TECHNOLOGY OF THE POLITICS OF POSTMEMORY

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University,
Department of Political Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article discusses the strategic settings, basic features, principles and media technologies of post-truth discourse, provides a step-by-step analysis of its deployment in the media sphere. Reveals the methodological relationship of media discourses of post-truth and postmemory. It is noted that discourses of post-truth and postmemory are confrontational to rational-scientific discourse, do not accept the principles of objective-critical rational-scientific knowledge, serves the political interests of the ruling neoliberal elites in need of legitimization of their domination. The authors appeal to discourse analysis of the Holodomor as media technology of postmemory.

Keywords:

post-truth, postmemory, traumatized memory, media technologies, neo-liberal discourse, counter-rational discourse, Holodomor.